

Ведя самостоятельное хозяйство на своем пекулии, раб мог стать поручителем в каком-либо деле, однако господин не нес ответственности за поручительство раба¹¹⁵.

В отдельных случаях раб — владелец пекулия — мог даже быть опекуном. При этом для гарантии прав опекаемого лица закон лишал господина раба какой-либо власти над имуществом подопечного¹¹⁶.

Все это показывает, что законодательство Юстиниана фактически закрепляло создавшееся в реальной действительности положение, рожденное длительной эволюцией, когда раб в деловых отношениях рассматривался как квази-свободное лицо и мог самостоятельно вести хозяйство. Хозяйственная самостоятельность рабов давала возможность господам использовать их в качестве подставных лиц при ведении различных дел. Так, по данным Кодекса Юстиниана, еретики, лишённые права заниматься какой-либо деятельностью, продолжали вести свои дела, управлять виллами через подставных лиц (*per interpositas personas*), скорее всего — через своих рабов¹¹⁷.

Львиная доля доходов со «свободного пекулия» шла господину. Однако, хотя по юридической теории того времени все, приобретенное рабом, становилось собственностью его хозяина, в действительности раб, получив значительную хозяйственную самостоятельность, естественно, стремился утаить от господина часть заработанных средств, чтобы скопить деньги для выкупа себя и семьи из рабства. При наличии пекулия раб мог прирабатывать на стороне и за счет работы по ночам. Папирусы, нарративные источники и само законодательство говорят о наличии собственных средств у рабов, помимо их пекулия¹¹⁸. В законодательстве, правда, по вопросу о личной собственности раба нет полной ясности, и суждения, включенные в Дигесты, противоречивы. С одной стороны, юридическая теория исходила из того, что все, принадлежащее рабу, как и он сам, — собственность господина; поэтому раб не признавался законным собственником накопленных им денег. Но, с другой стороны, законодатели вынуждены были признать реальный факт существования у раба личной собственности.

Прежде всего, законодательство признавало за рабом право использовать для выкупа деньги, накопленные сверх дохода с пекулия, отдаваемого господину. Дигесты прямо говорят, что раб мог выкупить себя на собственные деньги¹¹⁹. При этом в отдельных случаях требовалось, чтобы раб доказал, что эти деньги принадлежат ему лично. Если раб, живший не у господина, заявлял, что выкупил себя на свои деньги, он должен был это доказать; причем, если он не сумел этого сделать, то возвращался своему господину и мог по желанию господина быть сослан в рудники.

Закон признавал за рабом право подать жалобу префекту города на то лицо, которое утаило деньги раба, предназначенные для выкупа его из рабства¹²⁰.

¹¹⁵ Dig., XV, 1.47.1.

¹¹⁶ Dig., XV, 1.52.

¹¹⁷ CJ, I, 5.14.

¹¹⁸ О наличии собственности у рабов помимо пекулия см. R. Taubenschlag. *Das Sklavenrecht im Rechte der Raruri*, S. 160. Как упоминалось выше, Прокопий сообщает, что рабы могли накопить довольно значительные средства, достаточные, например, для покупки воинского звания схолярия (Ргосор., Н. А., XXIV, 18—19).

¹¹⁹ Dig., XL, 3.8.

¹²⁰ Dig., I, 12.1.1: «*Servos, qui ad statuas confugerint, vel sua pecunia emtos, ut manumittantur, de dominis querentes audiet.*»